

ЖЕНСКОЕ
СЧАСТЬЕ

Мария Метлицкая

**Женщина-
отгадка**

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление
Алексея Дурасова

Метлицкая, Мария.
М54   **Женщина-отгадка / Мария Метлицкая.** —
Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-098208-0

Для Марии Метлицкой нет неинтересных судеб. Она уверена: каждая женщина, даже на первый взгляд ничем не примечательная, — загадка. Почему ее героиня поступила так или иначе? Почему пожертвовала своим покоем, комфортом ради близкого, а иногда и не очень близкого человека? Почему полюбила того, кто никогда не сможет сделать ее счастливой? Неужели дело в пресловутой женской логике, точнее в отсутствии логического мышления, в чем так часто упрекают женщин? Конечно, нет. Дело в том, что женщины верят своему сердцу. А оно логике не подчиняется. Именно поэтому отгадать мотивы женских поступков так сложно. И так интересно.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098208-0

© Метлицкая М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Женщина-отгадка

Конечно, она пришла по рекомендации — по-другому и быть не могло. Вариант типа агентства не для меня, хотя жизнь показывает, что бывает всякое. И рекомендация эта была через десятые руки. Но так все же спокойнее. Появилась она точно в назначенное время. Лично меня это всегда подкупает. Итак, она стояла на пороге. В полутьме прихожей она показалась мне почти девочкой, но при дневном свете я увидела и морщинки, и руки, и глаза, и несколько седых волос на голове. В общем, все сходилось — лет тридцать семь — тридцать девять, как и было заявлено — идеальный возраст для помощницы по хозяйству: опыт *уже* есть, а силы *еще* есть. Просто она была из тех женщин, которые вне возраста. Из серии — маленькая собачка, которая, как известно, и в старости щенок. Одета она была более чем скромно — в серо-черных тонах, и, по-моему, это ей не шло, оттого, что в самом ее облике не было никакого акцента. Вроде и придраться не к чему, а все как-то очень незначительно: носик, глазки, ротик — все неплохо, а взгляду зацепиться не за что. Хотя

всем известно, что именно из таких вот женщин можно вполне сваять и красавицу — черты лица позволяют. Но сейчас передо мной была классическая женщина-невидимка. Из тех, с кем пять раз увидишься, а на шестой пройдешь мимо и не узнаешь. Ничего лишнего она не говорила — только тихим и ровным голосом, не поднимая глаз, отвечала на мои вопросы. «Подходит!» — подумала я, наученная горьким опытом. Я ее не почувствую. Она удачно мимикрирует под мое жилищное пространство, и я ее не замечу. А это в моем случае главное. Устала я от подробностей про мужа-идиота (естественно), про детей-сволочей (а как же иначе), про гадину-свекровь (ну, это и так ясно), про проблемы климакса (приливы-отливы, а то я не знаю), про больную поджелудочную (тошнит после копченой колбасы. Тошнит — не жри). И про то, что дубленке пятнадцать лет и денег, конечно, не хватает. А еще плюс к этому всему — пойдите кофейку погоняем (раза три-четыре). И как хорошо, что у вас дома курят! Да нет, конечно же, не кофе жалко и не сигарет. Жалко времени. До боли. И еще — себя. Ну зачем мне все это? И за мои же, заметьте, деньги. Да-да, я всем готова посочувствовать, но мне же тоже есть чем заняться. Обычно я все это говорю подругам и страстно возмущаюсь. Но противостоять, увы, не могу. Теряю время, варю кофе, курю лишние сигареты, мою чашки. Раздражаюсь. Злюсь на себя. И боюсь обидеть человека. Всякое в жизни бывает. Плавали, знаем. В этой стране — что с сумой, что с тюрьмой в перспективе встретиться может каждый.

Ведь могло быть и все наоборот — это я могла бы тереть ее унитаз и пылесосить ее ковер, если бы по-другому сложились обстоятельства. Зачем же обижать хорошего, в общем-то, человека.

Я внимательно разглядываю свою молчаливую гостью, и мне кажется, что ничего из вышеперечисленного мне в данном случае не грозит. Мы легко договариваемся о цене и обозначаем ее присутственный день. Кстати, у нее роскошное и богатое имя — Вероника. Ну пусть хоть имя. В общем, получилось так, как я и предполагала. Она приходила точно в назначенный час. Снимала свою курточку и брючки, аккуратно на коврик у двери ставила свои ботиночки (максимум тридцать четвертый размер). Переодевалась в старые джинсы и маечку и повязывала на голову косынку, как бандану. К рабочему дню она была вполне готова. Конечно, к любой уборке, если захочешь, можно придрататься, но таких целей у меня не было. Да и вообще я была почти счастлива — она общалась со мной только по делу и тактично, два раза, тихо стучала в дверь. Я могла спокойно работать, и меня ничто не отвлекало. Почти... Почему? Ведь ее присутствие было практически незаметно. Я садилась за стол, раскладывала свои записи, расписывала ручки, настраивала свет. Пыталась сосредоточиться. Но что-то необъяснимое мне мешало — наверное, мешала я себе сама. Или что-то все-таки не так? Говорят же что-то про ауру и биополе. В общем, я искала объяснения и оправдания. В середине дня я выходила из своей комнаты и предлагала ей пообедать. Она от-

казывалась. Всегда. Выпивала только чашку чаю. И все, заметьте, молча. О себе — ни-ни. Теперь уже меня слегка разбирали любопытство и недоумение. Все же всегда со мной пытались поделиться. Располагаю, видимо. Но здесь не тот случай. Пару раз я задала наводящие вопросы. Замужем — кивок головы. Дети есть — то же самое. Ну и фиг с тобой. Глубже я не лезла. Словом, она была тиха, как украинская ночь, и я вроде должна была быть счастлива, но почему-то мне было неудобно, хотя именно об этом я мечтала.

Неладное (как ей показалось) заподозрила моя недоверчивая дочь. Эта Вероника ей категорически не нравилась. Объясняла она это так:

— Она мне непонятна, темная лошадка, что-то меня настораживает.

— Ну и что? — возмущалась я. — Она имеет право быть тебе непонятной. Все люди разные. И потому, если тебе что-то неясно, это не значит, что это плохо. Тоже мне — Ниро Вульф вместе с Пинкертоном.

— Нет, что-то здесь не то, — повторяла моя дочь.

И однажды эта доморощенная миссис Марпл зашипела мне на ухо и пальцем поманила в коридор. Вероника мыла окна на балконе.

— Смотри, — зловеще прошептала дочь и вывернула наизнанку курточку на вешалке. На бирке стояла марка известного итальянского дизайнера. Брендвое имя, стоящее действительно бешеных денег. Вот тебе и серенькая курточка. Все-таки ничего я в этом не смыслю. Потом с тем же

зловещим видом моя проникательная дочь сунула мне под нос ботиночки.

— А это тебе как? — злорадно поинтересовалась она. На фланелевой серой подкладке скромных черных ботиночек я прочла тоже весьма знакомое имя. Я быстро представила стоимость этих черевичек. К этой марке я давно присматривалась. Правда, на этом наша встреча и закончилась — так, покрутила в руках и со стуком поставила на место. Цена на ботинки и мои финансовые возможности, увы, не совпали.

— Ну, что скажешь? — шептала дочь, вращая глазами.

— Может, подделка, — вяло предположила я. — В Конькове и не такое бывает.

— Не бывает, — отрезала дочь. — Дураку ясно, что это не палево.

— Значит, дураку ясно, а мне нет, — вздохнула я.

— Не прикидывайся, — почему-то разозлилась дочь. — Я тебе говорю, что что-то тут нечисто.

— А-а, — сообразила я, — наверное, это ей отдал кто-то из клиентов, ну, к кому она ходит убираться. Так часто делают. Помнишь, мы отдали твою старую дубленку Нине Васильевне? — Я радовалась своей сообразительности.

— Как же, отдадут такое, да еще совсем невыношенное. Да и размер тридцать четыре. Сейчас такого ни у кого и нет.

И правда, все мутируют, нормальный женский размер сейчас ближе к сороковому.

— Нет, что-то тут не так, — продолжала свои логические этюды моя любознательная дочь. — Ну не

нравится мне эта тихушница. И ничего мы про нее не знаем. Глупо радоваться тому, что она помалкивает. А что у нее в голове? Это настораживает.

— Отстань, — отмахнулась я и посоветовала ей заняться делом.

А в апреле Вероника мне позвонила и еще более тихим, чем обычно, голосом, извинилась — прийти она не может, так как свалила ее тяжелая двусторонняя пневмония. Видимо, после слишком раннего мытья чьих-то окон. Я ее заверила, что переживать нечего, пусть спокойно лечится и поправляется. Она закашлялась и, помолчав, спросила: не могли бы мы встретиться, чтобы ей получить зарплату. Обычно я платила ей в конце рабочего месяца. Я ответила: конечно, о чем разговор. И категорически возразила против встречи где-нибудь на полпути, как предложила она. При ее-то диагнозе и самочувствии! Я предложила ей завезти деньги, тем более что сегодня собиралась двинуться в том же направлении. Она помолчала и со вздохом согласилась. Я записала адрес. На мою радость, на плите стояла целая кастрюля куриного бульона, сваренного час назад. Я налила бульон в двухлитровую банку и положила туда половину курицы, по дороге купила гранаты и мандарины. Через сорок минут я стояла у ее порога. Она открыла мне дверь — бледная, с чернотой под глазами, с испариной на лбу, в длинной ночной сорочке, держась рукой за дверной косяк. На мои гостинцы среагировала с большим смущением:

— Господи, что вы, разве нужно все это было! Вы и так мне сделали такое одолжение.

— Ерунда, — отрезала я, — и не благодарите. С каждым может случиться. Может, в аптеку сходить?

Она села на кровать.

— Извините, кружится голова. Нет, спасибо, лекарства все есть.

— А бульон? Давайте я разогрею бульон, — предложила я.

Она покраснела и кивнула.

Я пошла на кухню, достала кастрюлю и стала разогревать бульон. Пока шел процесс, я села на табуретку и огляделась. Квартира была явно съемная, нищая и убогая. Правда, было очень чисто. В съемных квартирах, как правило, есть какая-то жалкая и тревожная безликость — ни фотографий, ни каких-либо элементов уюта — статуэток, картинок, цветов в горшках.

Все как бы напоминает о том, что здесь поселились временно, не навсегда. Я налила бульон в чашку — так удобнее пить — и положила на тарелку вареную куриную ногу. Вероника полусидела на кровати и очень смущалась.

— Ну, теперь вы за мной ухаживаете, — лепетала она.

— Ничего страшного, — ободрила ее я. Она с жадностью выпила бульон — было видно, что голодна. Я оставила на журнальном столике деньги и уже собралась уходить, но тут вспомнила про гранаты. Я пошла на кухню и стала их чистить, складывая зерна в литровую банку. Потом ложкой будет есть — вряд ли у нее есть силы почистить их самой. Из комнаты она опять извинилась, что,

дескать, зря я это затеяла, и так столько времени потеряла.

— Расслабьтесь, — посоветовала я. — Вам вредно беспокоиться. Сейчас все сделаю и пойду, а вам хорошо бы поспать.

Когда спустя полчаса я зашла в комнату, Вероника уже спала — бледная, с почти бескровными губами и влажными, прилипшими ко лбу волосами — ну просто птичка божья. Я поставила банку с гранатовыми зернами на убогую колченогую табуретку возле ее кровати и собралась уходить. Тут Вероника открыла глаза.

— Я пойду, — шепнула я, — а вы спите, спите.

— Не хочется, выспалась уже, — улыбнулась она. — Посидите еще чуть-чуть, если вы не спешите.

Я кивнула и опустилась в старое, потертое кресло — такие обычно стоят в коридорах районных поликлиник. Мы обе молчали. На древнем полированном секретере стояла фотография ребенка, мальчика, в дорогой, красивой рамке, совсем не вписывающейся в убогость обстановки.

— Сын? — спросила я.

Она кивнула.

— В школе сейчас? — Не то что мне было очень интересно, просто сложно было сидеть и молчать. Она молчала и смотрела в одну точку.

— Не знаю, — сказала она тихо, — не знаю, в школе сейчас или еще где-либо. Он живет отдельно от меня.

— С вашей мамой? — догадалась я.

— Нет, — она мотнула головой, — он живет со своим отцом. Моим бывшим мужем.

И мы опять неловко замолчали. Я поняла, что тут совсем все не просто, и выключила свое любопытство. Но она продолжила сама:

— У меня были муж, сын, было все, даже больше, чем человеку нужно. Муж был богат, были дом, машина, прислуга. Да, и прислуга, и кухарка, и садовник, и шофер. Вы удивлены? И еще сын. Теперь, как видите, нет ничего, кроме этой съемной квартиры. Но я счастлива. Ну, вы понимаете, что я имею в виду.

Я кивнула. Она стала сильно кашлять и с трудом приподнялась на подушках. Я принесла из кухни воды.

— Я пойду, Вероника. К чему вам сейчас нервничать, — осторожно сказала я.

С какой-то невыносимой тоской в глазах она посмотрела на меня:

— Очень задерживаю вас, да?

— Да нет, просто вам так будет лучше, — предположила я.

Она покачала головой, и я покорно опустилась в кресло.

Откашлявшись, она продолжала:

— Я окончила балетное училище, потом была травма колена, так, небольшая, но из классического балета пришлось уйти — было трудно. Правда, и на приму я никогда не тянула. А вот в танцы взяли. — И она назвала самый известный танцевальный коллектив. — В общем, там все сложилось — и гастролы, и деньги, и поклонники. За одного из них я вышла замуж. Он уже тогда набирал значительные обороты, хотя богат еще не был. —

Она оперлась на руки и подалась чуть вперед. — Откройте дверцу — там альбом.

Я послушно встала и подошла к секретеру. Там действительно лежал большой кожаный и тяжелый альбом.

— Открывайте, не стесняйтесь, — сказала она.

Я открыла альбом. На блестящих, глянцевых, ярких фотографиях развернулась во всей красе явно небедная жизнь. Загородный особняк, ухоженные лужайки с фонтанчиками, роскошное внутреннее убранство дома, сверкающий лак шикарного авто. Но главное не это. А главное — сама Вероника, узнаваемая с невероятным трудом — молодая, тоненькая, прекрасная, ухоженная до блеска, в потрясающей шубе до пят, с гладкой «балетной» головкой и искусным макияжем. Абсолютная красавица! От серой мышки нет и следа! На некоторых фотографиях был и ее ребенок, хорошенький, кудрявый мальчик, и солидный, лысоватый мужчина, скорее всего муж, от которого за версту пахло большими деньгами. Я закрыла альбом и посмотрела на Веронику. Видимо, в моих глазах она увидела и жалость, и сочувствие. Кроме любопытства, конечно.

— Не думайте меня жалеть, — сказала она твердо. — Я все это сделала сама, сознательно. И ни о чем не жалею.

— Что «это»? — наконец не удержалась я.

Она вытерла ладонью влажный лоб и тихо сказала:

— Я влюбилась. Безудержно. Ничто не могло меня остановить. Несчастный случай. — Она рас-

смеялась. — Он моложе меня на десять лет, тоже танцор. Познакомились мы с ним на юбилее нашего коллектива. Я, правда, тогда уже не работала: не по ранжиру — муж запретил. И сразу у обоих абсолютно снесло крышу. Вариантов не было. Отступление не рассматривалось. Я ходила как подстреленная, с безумными глазами. Даже особенно и не скрывала ничего. Мне было все равно. Муж, естественно, все довольно быстро узнал. Не заметить всего этого мог бы только слепой. Мы стали разбираться, и я сказала, что ничего с собой поделывать не могу. А он человек жесткий и конкретный. Сказал, что дает мне один шанс — подумать до утра. Исключительно ради ребенка. Чтобы я обрубила все на корню и одним махом. Знаете, так странно — в ту ночь я очень крепко спала. А утром сказала ему, что ничего поделывать с собой не могу. Тогда он предложил мне собрать вещи — на сборы дал три часа. В общем, я собрала, что сумела, и ушла с двумя чемоданами. — Она вздохнула и закрыла глаза. Было видно, что она очень устала. Молчали мы минут десять. Первой не выдержала я:

— А сын?

— Ну, — усмехнулась она, — здесь же и так все понятно. Как ведут себя в подобных ситуациях сильные мира сего? Как они все это решают? Да и потом, кто же такой матери отдаст ребенка? И что я смогу ему дать? В общем, с его деньгами и связями... Правда, царской милостью мне разрешено видаться с ребенком два раза в год. Я на такое благородство и не рассчитывала. Сначала было